

ЗА ЧТО САМСОН ЛЮБИЛ ДАЛИЛУ

Свободный роман в ветхозаветных рамках Владимира Жаботинского

Израильская газета, - 2001, - 20 янв. - с. 7

Николай Александров

Владимир Жаботинский. Самсон назорей: роман. — М.: Текст, 2000, 349 с.

ЭТОТ роман впервые вышел в Берлине в 1927 году — и больше на русском языке не издавался.

И понятно почему.

Жаботинский — эмигрант, один из лидеров сионистского движения. Под этим углом зрения можно читать и его «Самсона назорея», хотя в нем (и в романе, и в герое) больше от самого Жаботинского: поэта, переводчика и драматурга.

Жаботинский учился сначала в Одессе, где вместе с Чуковским был исключен из Ришельевской гимназии за участие в рукописном сатирическом журнале, а потом изучал право в Берне и Риме. Писал стихи и переводил: его «Ворон» Эдгара По считался образцовым, не говоря уже о переводах с иврита.

Словом, был «заметной фигурой в литературных кругах».

Пожалуй, впервые за пределы гуманитарной сферы его деятельность вышла во время Первой мировой войны. Тогда он занялся формированием еврейского легиона в составе британских войск — после чего участвовал в боевых действиях против Турции.

Кстати, Марсов дух весьма ощутим и в «Самсоне назорее». Это — одна из идеологических его составляющих. Вообще роман предоставляет обширное поле для идеологических спекуляций и построений на тему взаимоотношений наций и народов, их исторической миссии, богоизбранности еврейского народа (Жаботинский, например в цивилизованных филистимлянах видит потомков троянцев, в связи с чем борьба с ними и в то же время необыкновенная любовь к ним «варвара» Самсона обретает особый смысл). А плюс к тому дает возможность порассуждать на те-

мы ненависти и любви, верности и предательства, долга и желания.

Все это замечательно, интересно и важно хотя бы потому, что на этом идейном каркасе и формируется плоть романа. Однако любопытнее, на мой взгляд, другое.

«Повесть эта сложилась на полной свободе и от рамок библейского предания, и от данных или догадок археологии», — предупреждает читателя Жаботинский и, понятное дело, скромничает, точнее — защищает художественную свободу. Свободу тем не менее жестко ограниченную как историческим знанием, так и внимательным изучением Библии. Жаботинский не впадает в профанное мифотворчество, отличающее многих современных авторов. Его фантазия не оправдывает невежества, но лишь отваживается предполагать недоказуемое. Это свобода раскованности, результат которой — литературные характеры. И коварная Далила, чья давняя и страстная любовь к Самсону прорывается в ненависть и месть, не менее живописна, нежели сам воин и шут, судья, аскет и распутник Самсон, идущий к разгадке своего предназначения и происхождения. Ну, и виртуозно выстроенный сюжет, конечно, неожиданно и эффектно рассказанная библейская история. Свободная в изложении фактов во имя духа библейской архаики.

В понимании Жаботинского, разумеется.